

УДК 398.224(=512.122)

DOI 10.25587/SVFU.2023.46.85.006

Т. А. Кобыратбай

Международный казахо-турецкий университет им. Х. А. Ясави

ЭТНИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР КАЗАХСКОГО ЭПОСА «КОБЛАНДЫ БАТЫР»

Аннотация. Изучением героического эпоса казахского народа ученые занимались еще в начале XX века. Были записаны многочисленные образцы, которые затем публиковались и стали объектом научного исследования. На сегодняшний день известны 29 вариантов главного эпического сказания казахского народа «Кобланды батыр», которые были записаны из уст известных сказителей в различных уголках Казахстана. Это единственное сказание, которое было издано на русском языке и изучалось виднейшими фольклористами в лице А. К. Боровкова, Б. Н. Путилова и др. Несколько ранее изучением данного сказания занимались представители казахской фольклористики – М. Ауэзов, А. Букейханов, М. Габдуллин, К. Жумалиев, А. Конратбаев, О. Нурмагамбетова и др. На методологическом уровне почти все они рассматривали эпос с позиции исторической школы и разрабатывали проблемы историзма и поэтики эпоса.

Актуальность настоящей работы заключается в том, что впервые в фольклористике осуществляется попытка освещения различных сведений этнического характера, отраженных в героическом эпосе «Кобланды батыр», с позиции этнической истории. Цель статьи – найти точки соприкосновения этнических сведений в эпосе с реальными событиями этнической истории тюркоязычных племен. В этой связи ставятся такие задачи, как определение историко-этнической эпохи происходящих событий в эпосе; этимологический и семантический анализ ономастических наименований – этнонимов, топонимов, антропонимов. Раскрывается сущность многих терминов этнического порядка, подвергнутых трансформации позднейшими сказителями эпоса.

Этнический характер сказания рассматривался в советское время с позиции исторического процесса. Почти все исследователи замыкались вопросом: в какую эпоху происходили эти события и какие столкновения средневековых этнических групп нашли отражение в героическом эпосе? Понятно, что эти проблемы ставились в рамках методологии исследования исторической школы. В данной же статье, путем углубления в познавательную специфику отдельных, выраженных в поэтической форме терминов, осуществляется попытка отыскать и охарактеризовать этнический характер отдельных терминов этнического порядка.

Ключевые слова: эпос; этнос; Кобланды; кипчак; кызылбас; кият; коктим; аймак; историзм; типология; этнический характер.

Т. А. Kongyrbatbay

H. A. Yasawi International Kazakh-Turkish University

The ethnic character of the Kazakh epic *Koblandy Batyr*

Abstract. The study of the heroic epic of the Kazakh people has been studied by scholars since the early 20th century. Numerous samples were recorded and later published and became the subject of research. There are 29 variants of the main epic tale of the Kazakh people *Koblandy Batyr*, which were recorded by famous narrators

КОНЫРАТБАЙ Тынисбек Ауелбекулы – доктор филологических наук, профессор филологии и искусствоведения, профессор Международного казахо-турецкого университета им. Х. А. Ясави, Туркестан, Казахстан.

E-mail: tynysbek55@mail.ru

KONGYRATBAY Tynysbek Auelbekuly – Doctor of Philological Sciences, Professor of Philology and Art History, Professor, H. A. Yasawi International Kazakh-Turkish University, Turkestan, Kazakhstan.

E-mail: tynysbek55@mail.ru

in different parts of Kazakhstan. This is the only tale published in Russian and studied by the most eminent folklorists such as A. Borovkov, B. Putilov etc. Somewhat earlier representatives of the Kazakh folklore studies were M. Auezov, A. Bukeykhanov, M. Gabdullin, K. Zhumaliev, A. Konratbaev, O. Nurmagambetova, etc., who studied this narrative. On the methodological level, almost all of them were considering the epic from the position of historical school and were developing the problems of historicism and poetics of the epic.

The relevance of this work is that for the first time in folklore studies there is an attempt to cover different information of ethnic nature reflected in the heroic epic *Koblandy Batyr* from the position of ethnic history. The aim of the article is to find points of contact between the ethnic data in the epic and real events of ethnic history of Turkic-speaking tribes. In this context, tasks are set such as defining historical and ethnic epoch of the events of the epic, etymological and semantic analysis of onomastic names – ethnonyms, toponyms and anthroponyms. The essence of many ethnic terms transformed by later narrators of the epic is revealed.

The ethnic character of the tale was considered in Soviet times from the perspective of the historical process. Almost all researchers have confined themselves to the question: in what era did these events take place and what kind of clashes between medieval ethnic groups are reflected in the heroic epic? It is clear that these problems were posed within the research methodology of the school of history. In this article, however, by delving into the cognitive specificity of certain terms expressed in poetic form, an attempt is made to find and characterise the ethnic nature of certain terms of ethnic order.

Keywords: epic; ethnos; Koblandy; Kipchak; Kyzylbas; Kiat; Koktim; aimak; historicism; typology; ethnic character.

Введение

В эпосоведении Казахстана были изложены различные точки зрения относительно генезиса эпоса «Кобланды», где описываются события, касающиеся этнических столкновений кипчаков с кызылбасами Ирана. Конечно, там имеются наслоения различных времен, которые должны быть изучены фольклористикой современного периода. Классический образец казахского героического эпоса «Кобланды» в свое время был использован Б. Н. Путиловым для сравнительно-типологического изучения эпических сказаний русского, алтайского и казахского народов – «Илья Муромца», «Кара Маадая» и «Кобланды». Исследователь находит много общего в сюжетно-композиционном строении этих сказаний, выявляет различные формы художественного клише. В результате приходит к заключению, что указанные эпические сказания созданы по определенному художественному шаблону [1]. Это было время, когда в эпосоведении советского периода вспыхнула подлинно научная полемика между двумя яркими представителями академической науки – В. Я. Проппом и С. А. Рыбаковым [2], и доминировал общеизвестный тезис В. Я. Проппа: «... эпос идет не позади истории, а впереди и выражает вековые идеалы народа» [3, с. 24].

Об историзме эпоса «Кобланды» писали многие ученые: А. Н. Букейханов, С. С. Сейфуллин, М. О. Ауэзов, К. Ж. Жумалиев, А. К. Конратбаев, М. Г. Габдуллин, О. А. Нурмагамбетова и др. Одни считали, что в основе сказания лежат определенные исторические события, а другие отрицали, утверждая, что эпос – плод художественной фантазии сказителей.

Обзор литературы и методы исследования

Многие исследователи отмечали, что «Кобланды» формировался в среде кипчакского племени [4, с. 126; 5, с. 64–65; 6, с. 53]. А. К. Боровков считал кипчакский эпос более древним по происхождению [7, с. 67]. Признание Кобланды представителем кипчакского племени наблюдается и в позднейших исследованиях [8, с. 172]. Однако временные категории, отраженные в эпосе, Б. Н. Путилов воспринимает как явление поэтическое и заключает, что это «результат обязательного наличия элементов вымысла, фантастики, гиперболы» [1, с. 19].

В фольклористике XX века можно выделить два направления исторического освоения эпического времени и пространства. Первое направление истоки эпического времени и пространства ищет в историко-археологических сведениях, а второе – в различных эпических сюжетах [9, с. 360]. С первым утверждением согласиться сложно. Пусть не во всех, но в отдельных

эпических сказаниях можно отследить историко-социальные истоки понятий о времени и пространстве. У каждого народа существуют свои понятия относительно времени и пространства, которые веками формируются в рамках этнического сознания [10, с. 81]. С высказываниями исследователя об условном, гиперболическом времени в эпосе можно согласиться, ибо они весьма характерны для героического эпоса. Однако такие схематичные мерки не могут пояснить причину попадания в эпос величины времени, такой как «семнадцать дней».

Более продвинутыми нам показались суждения Д. С. Лихачева. Помимо понятий общества, социальной среды, этнических тенденций автор использует термин «эпическое время», приближая природу былины к реальной жизни [11, с. 347]. Если продолжительность или краткость отдельных эпизодов эпического времени и пространства в эпосе Б. Н. Путилов воспринимал условно и вне сюжета, то Д. С. Лихачев считает, что «неровность течения времени в былине – это неровность действий богатыря» [11, с. 349].

В исторических источниках можно встретить народные критерии времени и пространства. Указывается, что расстояние между Иртышем и Таразом – восьмидневный путь на быстром коне [12, с. 49]. Почему мы должны относиться к фактам подобного рода предвзято, с недоверием, если таковые сведения попадают в эпос и становятся ядром художественно-поэтического выражения? Почему мы забываем суждения С. Н. Азбелева, который твердил, что историчность эпоса не должна измеряться степенью сохранения исторических данных [13, с. 15]. Из этого мнения следует, что эпическим сказаниям присущи эмпирические измерения времени, нежели классический линейный отчет. Изучив характерные для разных племен и народов образцы времени и пространства, Л. Н. Гумилев заметил: «Люди считают время так, как им это нужно, и не применяют иные системы отсчета не потому, что не умеют; а потому, что не видят в этом практического смысла. Употребляя отчет времени по месяцам и неделям, мы пользуемся циклической хронологией, а не линейной или квантовой» [10, с. 92].

Если так, то где логика измерения различных проявлений времени и пространства в казахском эпосе с понятиями, отраженными в эпических сказаниях других народов; зачем превращать их в типический образ. Рассмотрение столь важной проблемы в рамках поэтического феномена было бы однобокой оценкой.

Если предположить, что объектом научного исследования является этнокультурный процесс, отраженный в казахском эпосе, то такие же данные шлифовались и в рамках устной традиции. Например, в своей летописи, в которой акцентируется внимание на причине отделения Аз-Жанибека и Шахгерей от Абулхаир-хана в XV веке, Шахкерим приводит сведения о Кобландах батыре [14, с. 22–23].

Согласно М. Тынышпаеву, Кобланды жил во времена правления узбекского хана Абулхаира [15, с. 19–20]. В некоторых источниках отмечается, что могилы Кобланды и Куртки находятся на территории современного Узбекистана [16, с. 3].

Количество наименований этнонимов в эпосе «Кобланды» невелико, их пять: *кара-кипчак*, *кият*, *ногай*, *кызылбас* и *калмак*. Первые три из них являются автоэтнонимами (самоназвание этноса), а последние два — аллоэтнонимами (наименование этноса, данное ему соседними народами).

Если главный герой героического сказания выходец из рода *кара-кипчак*, то в исторической науке Казахстана вопрос о происхождении указанного этноса в определенной степени изучен [17; 18; 19]. Однако нас интересует не общая история кипчакского племени, а этногеографическая среда обитания караспанских кипчаков, нашедших отражение в эпосе «Кобланды». С этой целью также важно выявить эпических врагов кипчакского этноса, поскольку речь идет о походах *кызылбасов* не в кипчакскую степь (Дешт-и Кипчак), а в ногайлинский улус. Эта особенность была замечена отдельными исследователями [20, с. 187].

При этом, упомянутые в эпосе «Кобланды» этнонимы *кипчак* и *кызылбас* в военное столкновение не вступают. Караман – вождь племени *кият*, призывает Кобланды защитить общие для ногайского иля земли. Природа антропонима Караман, который оставил заметный след

в этническом сознании казахского народа, также нуждается в оценке. Среди туркменских племен можно найти субэтнос Караман. Это мнение подтверждается и каракалпакской версией сказания, где Караман – брат жены Кобланды, а мать – старуха Гоклан. Согласно летописи Шахкерима, Караман происходит из племени сало [14, с. 63]. Такое же мнение мы встречаем в трудах А. Вамбери и письменном памятнике «Шарафнаме».

Известно, что кипчаки составили этногенез многих народов Турана [17, с. 136]. Сведения о кипчаках, населявших в древности Южную Сибирь и Северный Казахстан, мы находим у Н. Бичурина [21, с. 183], а также в древнетюркских (селенги) [22, с. 59], арабских и персидских источниках.

Известно, что в IX–X вв. объединившись с кимаками, кипчаки превратились в крупный этнополитический союз [17, с. 137]. В XIII веке термин *кипчак* был названием этнической группы [23, с. 395]. В записках арабских путешественников их территория именовалась как Дешт-и Кипчак (Кипчакская долина). Если по данным исторических источников распаду огузского улуса способствовали кипчакские племена, то монгольское нашествие привело к распаду Дешт-и Кипчака [24, с. 57]. После чего одно крыло кипчаков двинулось на юго-запад до самого Кавказа, а другое достигло территории Турции, Венгрии, Болгарии и даже Египта [25, с. 775].

Возникает вопрос: какие из этих событий могли быть отражены в казахском эпосе «Кобланды»? Если обратиться к историческим фактам, то миграция кипчаков в район Сыганака усилилась в XI веке. Карта этого периода была опубликована М. Кашкари в его словаре [26, с. 64]. Пока ясно одно: под Карачуком подразумевается гора Каратау [27, с. 56].

По некоторым данным Карашык – это название древнего города Фараба [28, с. 346]. В «Книге Большому чертежу» он значится как «Карачатова» гора [29, с. 74]. Название этого оронима в эпосе зафиксировано как Караспан, и эта гора по сей день существует в окрестностях реки Арысь.

Следует учесть, что Кобланды – выходец из племени *кара-кипчак*. Согласно казахской генеалогии они представляют собой средневековую ветвь кипчакского племени. А. Рычков и В. Радлов по-своему классифицировали кипчаков. О существовании этнонима *кара-кипчак* до XI века, вероятно, свидетельствует тот факт, что эта ветвь кипчакского племени составила также этногенез узбекского народа. У них имеются субэтносы, различающиеся по цветовому окрасу: *кара-кипчак*, *сары-кипчак* и *ак-кипчак* [17, с. 123–124]. В этом и проявляется некая общность узбеко-казахских народов. У узбеков они считаются родовым кипчакским племенем [17, с. 130].

При определении этнического характера эпоса, как уже было отмечено, немаловажная роль отводится этнониму *кият*. В эпосе они предстают в одном союзе с кипчаками. По некоторым данным *кият*ы – это эльханулы. Эта версия связывает происхождение этноса кият с монголами. Государство эльханов, во главе которого находился потомок Чинхис-хана Хулагу, в XIII–XIV вв. управляло Ираном, Ираком, Кавказом и Анатолией [30, с. 200–201]. Информацию об этнониме *кият* мы также встречаем в сборнике летописей Рашид ад-Дина «Джами ат-таварих». По его словам, *кият* – это форма множественного числа имени киян. В монгольском языке *киян* означает поток воды, стекающего вниз с вершины горы [31, с. 153–154]. Вот почему оно было использовано для наименования храброго племени. *Кият* по Рашид ад-Дину – древнее название монгольских племен, которые разделились на различные этнические группы и приобрели новое значение, а первое наименование вышло из употребления [31, с. 155]. Хивинский правитель Абулгазы Бахадур-хан среди четырех групп кочевников называет кият-кыныратов. Сам он правил улусом кият. Если мы склонны выводить родословную киятов из горного района Бэй-шань, что расположен в Западной Монголии, то существует мнение, связывающие ее с именем Борджугат. По словам Д. Банзарова, Борджугат – это название местности в Западной Монголии. В этом вопросе И. Березин занимает несколько противоречивую позицию. Несмотря на внешнюю близость он считает, что эти термины связывать нельзя, ибо они дают разные понятия. Поэтому мнение Рашид ад-Дина показалось нам более устойчивым и близким к истине.

Во время своего визита в Хиву в 1740–1741 гг. Гладышев писал, что среди каракалпачков есть род *кият* [32, с. 20]. Некоторые сведения можно найти и в трудах Н. Муравьева [33, с. 122]. В своей историко-географической работе «Путешествие в Среднюю Азию», написанной в XIX в., А. Вамбери показал, что среди племен, входивших в состав Хивинского ханства, был род *кият-конурат* [34, с. 169–170]. Появление этих двух этносов в одном этническом союзе свидетельствует об их исторической связи в более поздние времена. А. Вамбери приводит еще один примечательный факт относительно состава тюркских племен в Хиве: *конурат, кипчак, китаец, мангит, нукис, найман, кулан, кият, аз, таз, саят, чагатай, уйгур, айбет, дормен, ошун, канжигалы, ногай, балгалы, муйтен, жалаир, кенегиз, канли, ичкили, багурлуу, алиын, аймаклы, каракурсақ, биркулақ, туркиш, кеттекесер, минг* [35, с. 171].

Если принять во внимание, что с приходом арабов в Мавреннахр центром Хорезма был Кят (Кият), а местом, где правили арабские эмиры, был Ургениш (ал-Джурджания), то все эти данные проливают свет на отношение киятов к историко-этническому процессу в Туране – Иране.

Понятно, что все эти этнологические проблемы не укладываются в рамки эпосоведения. В этой связи в статье использованы различные методы исследования фольклористики, как типологический, историко-типологический, историко-генетический, синхронный, диахронный, а также методологические постулаты этнографии, ономастики, этнологии и этнической истории.

Результаты и обсуждения

Непосредственным изучением этнического характера героического эпоса «Кобланды» ученые старшего поколения особо не занимались. Среди ученых, затронувших вопрос о кызылбасах – эпических врагах *кият-кипчаков* в эпосе «Кобланды», можно назвать имена М. О. Ауэзова, А. Н. Бокейханова, С. С. Сейфуллина, С. М. Муканова, К. Ж. Жумалиева, А. К. Конратбаева, М. Г. Габдуллина, О. А. Нурмаганбетовой и др. Если подытожить эти суждения можно увидеть следующую картину:

1. Сказание о Кобланды связано с событием завоевания Казанского ханства Иваном Грозным в 1552 г. (М. Ауэзов).
2. Кобланды воевал с Казан-ханом, погибшим в 1347 г. (А. Букейханов).
3. Эпос «Кобланды» связан не с завоеванием города Казани, а с именем Газан-хана в чагатайском улусе (С. Сейфуллин).
4. В сказании описываются события, происходившие между правителем Ирана Газан-ханом и кипчакскими племенами, жившими в XIII в. (1295 г.) (М. Габдуллин).
5. Кобланды жил в XV в., но легенды о нем существуют со времен саков, древнего Вавилона. Убийство Даирходжи – это отголоски убийства сакского героя вавилонским царем Ассуром Банипалом (К. Жумалиев).
6. В содержании сказания сказочные и исторические сюжеты переплетены. Исторический фон охватывает события эпохи огузо-кипчаков (IX–XI вв.), пешенегов (IX в.), ногойлинцев (XV в.), узбеко-казахов (XVI в.) и периода джунгарского нашествия (А. Конратбаев).
7. В эпосе отражены события, происходившие между зороастризмом и шаманизмом. Алло-этноним кызылбас существовал со времен Кира и означал представителя «чуждой религии» (С. Шаймерденов).
8. Термин *кызылбас* использовался для обозначения огузов, а не персов. В основе сюжетной канвы сказания лежат сражения IX–XI вв. между кипчаками и огузами (А. Сараев).
9. В эпосе отражены события, когда улус Абулхайра был разделен на части, пала Золотая Орда и образовалось Казахское ханство (О. Нурмаганбетова).
10. Проанализировав некоторые сведения о «Кобланды батыре» С. Муканов писал: «Сложно говорить, что правильно, а что нет, поскольку не имеем достоверных источников. И тем не менее ясно одно: в истории был человек с именем Кобланды батыр» [36, с. 595].

Прежде всего, заметим, что почти все ученые, прямо или косвенно, признали, что эпос был создан на основе исторических событий. Отдельные же исследователи считали эпос плодом

художественного воображения и утверждали, что исторического прототипа Кобланды нет. Тот же М. Габдуллин считал, что герой эпоса Кобланды – образ литературный, а не исторический [37, с. 113].

Непричастность эпоса «Кобланды» к историческим событиям 1552 года давно доказана и признана научной общественностью. Гипотеза группы исследователей – А. Букейханова, С. Сейфуллина, М. Габдуллина об отражении в эпосе кызылбасо-кипчакских войн XII–XIV вв., также не согласуется с историческим процессом. Если Хулагу Газан, о котором они писали, жил при елханах в XIII–XIV вв., то *кызылбасы* вышли на историческую арену Ирана в послемонгольский период, то есть при династии Сефевидов, которая восходит к 1501 г. Гипотеза М. Габдуллина о признании Газан-хана человеком не мусульманской религии, требует дополнительной аргументации [38, с. 192]. Несмотря на то, что многие подобные вопросы были объектом специального рассмотрения в трудах А. Конратбаева [39, с. 157–159] и О. Нурмагамбетовой [40, с. 12–15], отдельные исследователи по сей день повторяют устаревшие установки прошлых лет [41, с. 136]. Суждение К. Жумалиева о том, что история XV века – это отголоски древнесакской легенды, является лишь предположением. Это – гипотеза, которая требует научного обоснования.

На первый взгляд кажется интересным, когда С. Шаймерденов в рамках эпической традиции находит следы двух верований – зороастризма и шаманизма. С автором можно согласиться в той части, что *кызылбас* – представитель чуждой религии [42, с. 2]. Но какой? Вопрос остался открытым.

Оглядываясь назад можно заметить, что, начиная с Узбек-хана (умершего в 1341 г.), почти все правители Золотой Орды придерживались мусульманской веры. После XV в. наблюдается разделение мусульман Мавреннахра. Шиитский курс следовали сторонники Али ибн Абуталипа, четвертой ветви династии Мухаммедов. Шиитско-суннитская конфронтация, рожденная на основе раскола внутри ислама, дошла до XIX в.

Название *кызылбас* связано с эпохой Сефевидов, а не Елханов в Иране. Его основателем является Шейх Сафи-ад-дин. Несмотря на свое социальное происхождение (дервиши), вера Сефевидов распространилась на шиитское течение и явно следовала этому направлению с XV в. В 1501 г. Исмаил ибн Хайдар, завоевавший Азербайджан, основал власть Сефевидов, в которую вошли многие племена тюркского происхождения. М. Габдуллин и Т. Сыдыков считали *кызылбасов* монголами с красной шапкой на голове [43, с. 193]. Известно, что власть Сефевидов установилась в Иране после монгольского нашествия. Но изучая многочисленные исторические источники, несложно заметить, что *кызылбасы* в одном случае курды [44, с. 226], в другом – таджики [45, с. 150], в третьем – туркмены [44, с. 22].

Исмаил-шах не ладил с османскими турками на Западе и туркмено-узбекскими племенами на Востоке. Последними должны быть кочевые узбеки. В результате города побережья Амударьи находились в руках то *кызылбасов* шиитского направления [44, с. 292], то кипчаков суннитского верования.

Можно предположить, что события, происходившие в XI в., отчасти нашли свое отражение в эпосе «Кобланды батыр». Главный герой сказания Кобланды то в согласии со страной Коктим Аймак, то в разладе. В основе этих событий, вероятнее всего, лежат многолетние споры между Исмаилом-шахом и Шейбани-ханом. Перечитывая строки «Шейбанинамы», мы видим, что в стане Мухаммеда Шейбани находились и казахские кланы [46, с. 209].

Некоторые страницы истории Сефевидов также можно найти в надписи «Шарафнаме». Как свидетель столкновений тех лет, автор наиболее полно освещает историю противостояния Исмаила и Шейбани. В одном конфликте Исмаил шах разгромил армию Шейбани и обезглавил его [47, с. 155–156]. Конфликты между кызылбасами и тюркскими племенами происходили и при Тахмасибе. В составе узбеков были также представители племени *кипчак*, *найман*, *тама*, *конырат*, *кият*, которые составляли этногенез народов Центральной Азии [46, с. 203].

Имеются и другие версии возникновения термина «кафир» – неверный. Как верно подметил автор «Шарафнаме», термин *кызылбас* не этноним, скорее аллоэтноним, который применялся по отношению к тюркско-монгольским племенам среди сефевидов [47, с. 154]. В некоторых версиях эпоса указывается даже географическое расположение: «На побережье Черного моря, у впадины Самарканда находится страна кызылбасов» [46, с. 132].

Не соответствует действительности утверждение А. Сараева о том, что примерно в XVI веке название *кызылбас* вытеснило прежний автоэтноним *огуз* [48, с. 107]. Поэтому нельзя утверждать, что после распада *огузы* преобразовались в *кызылбасы*. Спорным является и тот факт, что могли объединиться племена, состоящие в антитезе «мы – они», которые не представляют собой две стадии этнического процесса: *огуз* – *кызылбас*.

По этому поводу Ю. В. Бромлей пишет, что «важным компонентом этнического самосознания выступает представление об общности происхождения всех членов этноса» [49, с. 31]. Что же касается суждений отдельных исследователей о принятии казахским народом ислама в XIII–XIV веках и формирования эпоса «Кобланды» до XIII в. [50, с. 27], они больше склонны к предположениям. Перебирая эти данные, мы говорим о конфликтах между династией Сефевидов (*кызылбасы*) в Иране и тюркскими племенами (*кипчак*) в Туране. Следует помнить, что в период формирования династии Сефевидов Золотая Орда была разрушена крымским ханом Менлыгереем [44, с. 206]. Некоторые исследователи пренебрегли не только принципом историзма, но и позицией наиболее яркого представителя типологической школы – Б. Н. Путилова [51, с. 12].

Кызыл (бас) – антропоним, созданный эпической традицией по такому же принципу. Они, входя в состав туркменского племени, подразделяются на несколько ветвей: *кызыл*, *кызылаяк*, *кызылкөз*, *кызылыкөр*. Совершенно очевидно, что в основе антропонима *Кызыл ер* лежит субэтнос туркменского происхождения. М. Галкин выводит их из следующих кланов: *джаумит* (*кызыл*), *теке* (*кызылкоз*) *Эрсары* (*кызылаяк*) и *Саррык* (*кызылокөр*) [52, с. 8–11].

Для того, чтобы погрузиться в историко-этническую сущность эпоса, необходимо будет остановиться и на других наименованиях этнического порядка. Помимо упомянутых выше этнонимов *кипчак*, *кыят* и *кызылбас*, в эпосе также встречаются названия *калмык* и *ногай*. Если первые три этнонима хорошо вплетены в основную канву сюжета, то последние два позволяют проследить стадийные этапы формирования эпического сказания, вошедшего в фольклорный оборот.

Встречающиеся в эпосе термины «ворота» и «крепость» характерны для городского образа жизни. Несложно понять, что этноним *калмык* был введен в сказание в более позднее время. На этой основе мы полагаем, что вышеизложенные сведения прямого отношения к эпосу «Кобланды» не имеют.

В эпосе немало терминов, трансформированных из этнонима в топоним. Ярким примером являются имена Коктим, Аймак, Кызыл ер, Караман, Гоклан и др. Коктим Аймак здесь выступает в значении антропонима, затем топонима [1, с. 26–27]. Если по следам Б. Н. Путилова термин Коктим Аймак принять за художественное явление – удвоенный топоним, то неучтенным останется этническая природа эпического сказания. Признание Коктим Аймака исторической личностью эпохи распада Золотой Орды [40, с. 15] также нуждается в дополнительной аргументации.

В историко-этнических источниках *коки* и *аймаки* выступают субэтносами туркменского племени. В свое время академик В. Бартольд называл их кочевыми огузскими общинами [53, с. 119]. Другой ориенталист М. Галкин перечисляет эти имена среди 13 родов туркмен [52, с. 5]. Схожее мнение встречается и в работе С. Агаджанова: «Туркмены и огузы подразделялись на «оба», «бои», «коки», «аймаки», представляющие собой кочевые и полукочевые общины» [54, с. 119]. Здесь автор явно указывает на причастность этих имен к этническому процессу.

Заключение

Подытоживая результаты исследования, следует подчеркнуть, что в исторических источниках сложно найти наименование страны Коктим Аймак. Они были подвергнуты семантической

трансформации позднейшими сказителями эпоса и представляют собой то этнопоним, то топоантропоним. Такое изменение этнонимов явление частое в казахском героическом эпосе.

Один из наиболее часто встречающихся антропонимов как в эпосе, так и в других фольклорных жанрах – Гоклан. Отношение этого антропонима, отрицательно характеризующегося в казахском фольклоре, к ветви гоклан неоспоримо. Примечательно, что в казахский эпос он попал в качестве антропонима. В обыденном казахском понимании Гоклан – враг, неприятель. При изучении этнических источников обнаружено, что гокланы происходят от ветви *кайы* огузского племени. В конечном счете одна сторона этого вопроса упирается в историю туркмен-османов. Из этого следует, что события, описываемые в казахском героическом эпосе «Кобланды», не следует воспринимать как войны между кипчаками и туркменами. Кызылбасы лишь эпические враги кипчаков средневековья, которые, в свою очередь, состояли из различных тюркоязычных племен. Туркменские племена, попавшие под власть Сефевидов, также назывались *кызылбасами*. Следовательно, врагами кипчаков являются не туркмены, а представители династии кызылбасов при Сефевидях.

Подытоживая вышесказанное, этнонимы, встречающиеся в эпосе «Кобланды», можно разделить на три группы:

- 1) *автоэтнонимы* (эндоэтноним) – самоназвания племен кипчак и кият, которые легли в основу сюжета эпоса;
- 2) *аллоэтнонимы* (экзоэтноним) – наименования племен (кызылбас, калмык), присвоенные им соседними странами;
- 3) *этнотопонимы и топоэтнонимы* – термины, созданные на основе изменения и приобретения иной смысловой семантики.

Таким образом, в эпосе «Кобланды» можно наблюдать явления, характеризующиеся превращением этнонима в топоним, топонима в этноним.

Литература

1. Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. – Ленинград : Наука, 1988. – 223 с.
2. Фольклор. Проблемы историзма : [сборник] / ответственный редактор В. М. Гацак. – Москва : Наука, 1988. – 296 с.
3. Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд. – Москва : Гослитиздат, 1958. – 603 с.
4. История казахской литературы : в 3 томах. Т. 1. – Алма-Ата : Изд-во АН Каз ССР, 1960. – 740 с. (На казахском яз.)
5. Ауэзов М. История литературы. – Алма-Ата : Ана тили, 1991. – 240 с. (На казахском яз.)
6. Васильева Г. П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. – Москва : Наука, 1969. – 390 с.
7. Боровков А. К. Вопросы изучения тюркоязычного эпоса народов Средней Азии и Казахстана // Вопросы изучения эпоса народов СССР : [сборник статей] / редколлегия : И. С. Брагинский и др. – Москва : АН СССР, 1958. – С. 66–100.
8. Жубанов Е. Орнаменты эпического языка. – Алматы : Наука, 1978. – 184 с. (На казахском яз.)
9. Шамбинаго С. К. Застава богатырская // Сборник статей в честь М. К. Любавского. – Петроград : [б. и.], 1917. – 186 с.
10. Гумилев Л. Н. Этносфера. История людей и история природы. – Москва : Экспресс, 1993. – 544 с.
11. Лихачев Д. С. Эпическое время былин // Русское народное поэтическое творчество : хрестоматия по фольклористике / составитель Ю. Г. Круглов. – Москва : Высшая школа, 1986. – С. 334–351.
12. Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX–XII в. по арабским источникам. – Алма-Ата : Наука, 1972. – 154 с.
13. Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Киев, 1984. – 44 с.
14. Кудайбердиулы Ш. Летопись турков, кыргыз-казах и царей. – Алматы : Казахстан-Сана, 1991. – 80 с. (На казахском яз.)

15. Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казахского народа. – Ташкент : Вост. отд. кирг. гос. изд-во, 1925. – 62 с.
16. Муратбаев Ж. Надгробное сооружение Қобланды // Шалкар. – 1997. – № 2. – С. 3. (На казахском яз.)
17. Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа. – Ташкент : Фан УзССР, 1974. – 342 с.
18. Плетнева С. А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. / ответственный редактор Л. Г. Бескровный. – Москва : Наука, 1975. – С. 260–300.
19. Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. – Алматы : Санат, 1997. – 608 с.
20. Ыбыраев Ш. Мир эпоса. Поэтика казахских героических сказаний. – Алматы : Наука, 1993. – 296 с.
21. Бичурин Н. Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Москва-Ленинград : АН СССР, 1950. – Т. 1. – 381 с.
22. Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Уранхайский край. Т. II. – Санкт-Петербург : Нев. типография, 1926. – 896 с.
23. Бартольд В. В. Сочинения. Т. V. – Москва : Наука, 1966. – 495 с.
24. Кумеков Б. Е. О термине «казах» // Абай. – 1998. – № 4. – С. 55–59.
25. Голубовский П. Печенеги, тюрки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX–XIII вв. – Киев : Унив. типография, 1884. – 274 с.
26. Кошгарий М. Девону луготит түрк. Соч. Т. I. – Ташкент : Фан Уз.ССР, 1961. – 427 б. (На узбекском яз.)
27. Кононов А. Н. Родословная туркмен, сочинение Абулгази хана хивинского. – Москва-Ленинград : Изд. АН СССР, 1958. – 190 с.
28. Кашкари М. Тюркский словарь. – Алматы : Хант, 1997. – Т. 2. – 586 с. (На казахском яз.)
29. Книга Большому чертежу или древняя карта Российского государства (СПб., Изд. Спасского, 1846) / подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. – Москва-Ленинград : АН СССР, 1950. – 229 с.
30. Босфорт К. Э. Мусульманские династии. – Москва : Наука, 1971. – 324 с.
31. Рашид ад-дин. Сборник летописей. – Москва-Ленинград : Изд-во АН СССР, 1952. – Т. I. – Кн. I. – 221 с.
32. Ханыков Я. В. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 годах Гладышевым и Муравиным / издана с приобщением современной карты Миллера пути от Орска до зюнгорских владений и обратно, изданной Я. В. Ханыковым. – Санкт-Петербург : Типография министерства внутренних дел, 1851. – 84 с.
33. Муравьев Н. Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Н. Муравьева, посланного в эти страны для переговоров. – Москва : Типография Августа Семена, 1822. – Ч. I. – 144 с.
34. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенный в 1863 году. С картой Средней Азии. Перевод с английского. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1865. – 221 с.
35. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенный в 1863 году. С картой Средней Азии. Перевод с английского. – Санкт-Петербург : Типография Ю. А. Бокрама, 1865. – 221 с.
36. Героические сказания. Т. I / под общей редакцией С. Муканова. – Алматы : [б. и.], 1939. – 600 с.
37. Габдуллин М. О казахском героическом эпосе // Вестник АН Каз ССР. – 1952. – № 9. – С. 97–119. (На казахском яз.)
38. Габдуллин М. Устная литература казахского народа. 2-е изд. – Алматы : Санат, 1996. – 368 с. (На казахском яз.)
39. Конратбаев А. История казахского фольклора. – Алма-Ата : Ана тили, 1991. – 288 с. (На казахском яз.)
40. Нурмаганбетова О. Казахский героический эпос. «Қобланды-батыр». [Сравнительно-типологическое исследование]. – Алма-Ата : Наука, 1988. – 191 с.
41. Кузембайұлы А., Абилов Е. История Казахстана. 2-е изд. – Алматы : Санат, 1996. – 352 с.
42. Шаймерденов С. О генезисе слова «Казан» // Қазақ әдебиеті. – 1964, 17 января. – С. 2. (На казахском яз.)
43. Габдуллин М., Сыдыков Т. Героический эпос казахского народа. – Алма-Ата : Наука, 1972. – 338 с. (На казахском яз.)
44. Босфорт К. Э. Мусульманские династии. – Москва : Наука, 1971. – 324 с.

45. Ханьков Н. Записки по этнографии Персии. – Москва : Наука, 1977. – 152 с.
46. Конратбаев А. Казахский эпос и тюркология. – Алма-Ата : Наука, 1987. – 387 с. (На казахском яз.)
47. Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме. Т. 2. – Москва : Наука, 1976. – 350 с.
48. Сараев А. Был ли Кобланды в истории? // Жалын. – 1985. – № 4. – С. 36–43. (На казахском яз.)
49. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. – Москва : Наука, 1973. – 283 с.
50. Саник З., Садыхан Б. Каракерей Кабанбай. – Алма-Ата : Жазушы, 1991. – 176 с. (На казахском яз.)
51. Путилов Б. Н. Историко-фольклорный процесс и эстетика фольклора. – Москва : Наука, 1975. – 168 с.
52. Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. – Санкт-Петербург : Издание Я. А. Исакова, 1868. – 336 с.
53. Бартольд В. В. Султан Синджар и гузы // ЗВОИРАО, XX / основан бароном В. Р. Розеном. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1912. – С. 046–049.
54. Агаджанов С. Г. Сельджукиды и Туркмения в XI–XII вв. – Ашхабад : АН Турк. ССР, 1973. – 164 с.

References

1. Putilov B. N. Heroic epic and reality. Leningrad, Nauka Publ., 1988, 223 p. (In Rus.)
2. Folklore. Problems of historicism: [collection]. Executive editor V. M. Gatsak. Moscow, Nauka Publ., 1988, 296 p. (In Rus.)
3. Propp V. Ya. Russian heroic epic. 2nd ed. Moscow, Goslitizdat Publ., 1958, 603 p. (In Rus.)
4. History of Kazakh literature: in 3 volumes. Vol. 1. Almaty, Publ. House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1960, 740 p. (In Kazakh)
5. Auezov M. History of literature. Almaty, Ana tili Publ., 1991, 240 p. (In Kazakh)
6. Vasilyeva G. P. Transformation of life and ethnic processes in Northern Turkmenistan. Moscow, Nauka Publ., 1969, 390 p. (In Rus.)
7. Borovkov A. K. Problems of studying the Turkic epic of Central Asia and Kazakhstan. In: Problems of studying the epic of USSR peoples: [collection of articles]. Editorial board: I. S. Braginsky etc. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1958, pp. 66–100. (In Rus.)
8. Zhubanov E. Ornaments of the epic language. Almaty, Nauka Publ., 1978, 184 p. (In Kazakh)
9. Shambinago S. K. Bogatyrskaya Zastava. In: Collection of articles in honor of M. K. Lyubavsky. Petrograd, 1917, 186 p. (In Rus.)
10. Gumilev L. N. Ethnosphere. History of people and history of nature. Moscow, Ecopros Publ., 1993, 544 p. (In Rus.)
11. Likhachev D. S. Epic times of bylinas. In: Russian folk poetry: a reader in folklore studies. Compiled by Y. G. Kruglov. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1986, pp. 334–351. (In Rus.)
12. Kumekov B. E. The state of Kimaks in XIX–XII century in Arab sources. Almaty, Nauka Publ., 1972, 154 p. (In Rus.)
13. Azbelev S. N. Historicalism of bylina and a folklore specificity. Abstract of the thesis for the degree of Doctor of Philological Sciences. Kiev, 1984, 44 p. (In Rus.)
14. Kudaiberdiy Sh. The annals of Turks, Kyrgyz-Kazyks and kings. Almaty, Kazakhstan-Sana Publ., 1991, 80 p. (In Kazakh)
15. Tynyshpaev M. Materials to history of Kirghiz-Kazakh people. Tashkent, Eastern branch of the Kyrgyz State Publ. House, 1925, 62 p. (In Rus.)
16. Muratbaev J. Tombstone construction of Koblandy. *Shalkar*. 1997, no. 2, p. 3 (In Kazakh)
17. Shanyazov K. Sh. To the ethnic history of the Uzbek people. Tashkent, Fan Uzbek SSR Publ., 1974, 342 p. (In Rus.)
18. Pletneva S. A. Polovtsian Land. In: Ancient Russian principalities of X–XIII centuries. Executive editor L. G. Beskrovny. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 260–300. (In Rus.)
19. Amanzholov S. Problems of dialectology and history of Kazakh language. Almaty, Sanat Publ., 1997, 608 p. (In Rus.)
20. Ybyraev Sh. The world of epic. Poetics of Kazakh heroic legends. Almaty, Nauka Publ., 1993, 296 p. (In Rus.)
21. Bichurin N. Я. [Iakinth]. A collection of information about the people who lived in Central Asia in ancient times. Moscow-Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1950, vol. 1, 381 p. (In Rus.)

22. Grum-Grzhimailo G. E. Western Mongolia and Urankhai Krai. Vol. II. Saint Petersburg, Nev. Printing House, 1926, 896 p. (In Rus.)
23. Barthold V. V. Works. Vol. V. Moscow, Nauka Publ., 1966, 495 p. (In Rus.)
24. Kumekov B. E. About the term “Kazakh”. *Abai*. 1998, no. 4, pp. 55–59. (In Rus.)
25. Golubovsky P. Badjanaks, Turks and Kipchaks before the invasion of the Tatars. History of South Russian steppes in XIX–XIII centuries. Kiev, Univ. Printing House, 1884, 274 p. (In Rus.)
26. Koshgariy M. Devonu lugotit turk. Tashkent, Fan Uz. SSR Publ., 1961, 427 p. (In Uzbek)
27. Kononov A. N. Genealogy of the Turkmen, the work of Abulgazi Khan of Khiva. Moscow-Leningrad, Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 1958, 190 p. (In Rus.)
28. Kashkari M. The Turkic dictionary. Almaty, Hant Publ., 1997, vol. 2, 586 p. (In Kazakh)
29. Book of the Great Drawing or the ancient map of the Russian state (Saint Petersburg, ed. Spasskiy, 1846). Prepress and editing by K. N. Serbina. Moscow-Leningrad, Academy of Sciences Publ., 1950, 229 p. (In Rus.)
30. Bosfort K. E. Muslim dynasties. Moscow, Nauka Publ., 1971, 324 p. (In Rus.)
31. Rashid ad-din. A collection of chronicles. Moscow-Leningrad, Publ. House of AS USSR, 1952. vol. I, book I, 221 p. (In Rus.)
32. Khanykov Ya. V. The trip from Orsk to Khiva and back, made in 1740–1741 by Gladyshev and Muravin. Published with the addition of a modern map of Miller’s way from Orsk to zyungor possessions and back, published by Ya. V. Khanykov. Saint Petersburg, Publ. House of Ministry of Internal Affairs, 1851, 84 p. (In Rus.)
33. Muravyev N. A travel to Turkmenistan and Khiva in 1819 and 1820 by Captain N. Muravyev, a member of the Guards General Staff, who was sent to Turkmenistan for negotiations. Moscow, Tip. by August Semen, 1822, part 1, 144 p. (In Rus.)
34. Vamberi A. Journey through Central Asia. A description of the trip from Tehran to Khiva, Bukhara and Samarkand through the Turkmen steppe on the eastern shore of the Caspian Sea in 1863. With a map of Central Asia. Translated from English. Saint Petersburg, 1865, 221 p. (In Rus.)
35. Vamberi A. Journey through Central Asia. A description of the trip from Tehran through the Turkmen steppe to Khiva, Bukhara, and Samarkand, made in 1863, along the eastern coast of the Caspian Sea. With a map of Central Asia. Translated from English. Saint Petersburg, Tip. by A. Bokram, 1865, 221 p. (In Rus.)
36. Heroic tales. Vol. 1. Edited by S. Mukanov. Almaty, 1939, 600 p. (In Rus.)
37. Gabdullin M. On Kazakh heroic epic. *Bulletin of the Academy of Sciences of Kazakh SSR*. 1952, no. 9, pp. 97–119. (In Kazakh)
38. Gabdullin M. Oral literature of the Kazakh people. 2nd ed. Almaty, Sanat Publ., 1996, 368 p. (In Kazakh)
39. Konyratbaev A. History of Kazak folklore. Almaty, Anatoly Publ., 1991, 288 p. (In Kazakh)
40. Nurmaganbetova O. The Kazakh heroic epic. “Koblandy-batyr”. [Comparative typological study]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1988, 191 p. (In Rus.)
41. Kuzembaiuly A., Abilev E. History of Kazakhstan. 2nd ed. Almaty, Sanat Publ., 1996, 352 p. (In Rus.)
42. Shaimerdenov S. About genesis of word “kazan”. *Қазақ әдебиеті*. 1964, January 17, p. 2. (In Kazakh)
43. Gabdullin M., Sydykov T. Heroic epic of Kazakh people. Alma-Ata, Nauka Publ., 1972, 338 p. (In Kazakh)
44. Bosfort K. E. Muslim dynasties. Moscow, Nauka Publ., 1971, 324 p. (In Rus.)
45. Khanykov N. Notes on the ethnography of Persia. Moscow, Nauka Publ., 1977, 152 p. (In Rus.)
46. Konyratbaev A. Kazakh epic and Turkic languages. Alma-Ata, Nauka Publ., 1987, 387 p. (In Kazakh)
47. Sharaf-khan ibn Shamsaddin Bidlisi. Sharaf-name. Vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1976, 350 p. (In Rus.)
48. Sarayev A. Was Koblandy in history? *Zhalyn*. 1985, no. 4, pp. 36–43. (In Kazakh)
49. Bromley Yu. V. Ethnos and ethnography. Moscow, Nauka Publ., 1973, 283 p. (In Rus.)
50. Sanik Z., Sadykhan B. Karakerei Kabanbai. Almaty, Zhazushy Publ., 1991, 176 p. (In Kazakh)
51. Putilov B. N. Historical and folklore process and aesthetics of folklore. Moscow, Nauka Publ., 1975, 168 p. (In Rus.)
52. Galkin M. N. Ethnographic and historical materials on Central Asia and the Orenburg region. Saint Petersburg, Publ. House of Ya. A. Isakov, 1868, 336 p. (In Rus.)
53. Bartold V. V. Sultan Sinjar and the Oguzes. In: Notes of the Eastern Department of the Imperial Russian Archaeological Society, XX. Founded by Baron V. R. Rosen. Saint Petersburg, Tip. Imperial Academy of Sciences, 1912, pp. 046–049. (In Rus.)
54. Agadzhanov S. G. The Seljuks and Turkmenistan in XI–XII centuries. Ashkhabad, Academy of Sciences of the Turkmen SSR Publ., 1973, 164 p. (In Rus.)